

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Ранее книга выходила под названием
«Море остывших желаний»

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Убийство, похожее на месть : [роман] /
Лариса Соболева. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 352 с. — (Она всегда с тобой.
Детективы Ларисы Соболевой).

ISBN 978-5-17-121964-2

Двадцатилетней Сандре совсем неплохо жилось с мамой и бабушкой. Но они умерли. Зато появился отец, это после двадцатилетнего отсутствия! И вовсе не воскрес после гибели в «горячей точке», как объясняли ей в детстве, а вернулся после отсидки в тюрьме. Правда, бабушка перед смертью призналась зятю, вору в законе по кличке Бельмо, что у него есть дочь. Тот от радости чуть с ума не сошел, решил завязать с преступным миром и кинуть к ногам дочери ворованные миллионы. Только у строптивой доченьки нет никаких чувств к «папе». Так бы и не сошлись никогда два одиночества, если бы Сандру из-за отцовских денег не взяли в заложницы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121964-2

© Соболева Л., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

– Дорогая!

Сандра, молоденькая сочная девушка с ярко выписанной дерзостью на смуглом личике, поглядела на гостя абсолютно без интереса, хотя он и назвал ее «дорогой». В раздумье она перетирает зубками кусок жесткого мяса (ведь ее оторвали от обеда), не решаясь бесцеремонно захлопнуть дверь перед физиономией незнакомца с бородкой Чингисхана. Он был смешон и напоминал клоуна. Наверное, из-за улыбки во весь большой рот на длинном лице, обнажавшей крупные зубы, и по-дурацки вытаращенных глаз, которые у него и так навывахте. Однако стильный костюмчик на сухошавой фигуре говорил, что это человек из серьезной среды, поэтому Сандра, кое-как проглотив кусок, вежливо спросила:

– Тебе чего, дядя?

Счастливая улыбка слетела с лица клоуна, он озадачился:

– Ты Сандра?

– Ну, я. Дальше что?

– Я твой папа.

Сандра вздохнула с нарочито показным сожалением и захлопнула дверь. Мужчина, оставшийся за ней, которого звали, между прочим, Бельмас, потоптался в замешательстве, потом снова позвонил. Девушка открыла:

— Опять ты?
— Разве твоя бабушка обо мне не рассказывала?
— О тебе? — хохотнула Сандра. — Нет.
— О твоём папе, — уточнил он.
— А, о папе... — протянула Сандра, приподняв подбородок и засверкав бесовскими глазами. — Как же! Рассказывала. Говорила, что он мерзавец, подлец, негодяй и свинья. Так это ты?

Ехидная улыбка на сочных губах Сандры ясно говорила: не верю тебе и не поверю никогда.

— Это я... то есть не я... то есть... — растерялся Бельмас. Он поправил галстук, сглотнул волнение и вдруг возмутился: — Она не права! Позови ее.

— Опоздал, дядя папа. На полгода. Бабушка умерла.

И дверь захлопнулась. Бельмас спускался по ступенькам медленно, разочарованно и с обидой бубнил себе под длинный нос:

— Старая карга... Не сказать девочке о моем существовании! Чтоб тебе сейчас икнулось в грубу... Чтоб ты там билась головой о крышку...

У Бельмаса была причина негодовать по поводу несостоявшейся тещи. Год назад Клавдия Никитична разыскала его в колонии, добилась свидания. Он, признаться, глаза выпучил, хлебрезку раскрыл и онемел. Его всемирный потоп так не удивил бы, или пришелец с другой планеты, или внезапное освобождение с извинениями, но появление Клавдии Никитичны с ее брезгливой физиономией весьма удивило. Бельмас сел на стул, ладони положил на колени и тарашился на воплощение гордыни, высокомерия и презрения. Она сильно сдала, так что и узнать трудно, но он узнал бы ее в любом случае, несмотря на истонченную кожу в миллионах морщин, подпортившую когда-то красивую женщину. Узнал бы по непримиримым глазам, по властному лицу, по тонким поджатым губам и крючковатому носу. Ему стало не по себе от затянувшейся паузы, Клавдия Никитична

прищуривала и раскрывала глаза пумы, изучая его. Наконец она сказала:

– Ну, здравствуй, Георгий... Гоша... Жора...

– Здравствуйте, – пролепетал он опасно.

Бельмас по кличке Бельмо, который выделялся среди собратьев особым куражом и умом, который проявлял наглую смелость, где надо и не надо, чем снискал уважение и почитание, откровенно боялся старухи. Боялся, как дикий зверек боится пожара в лесу, и гадал: чего это она вздумала навестить его после стольких лет? А прошло – ого! – почти двадцать два года! Бельмас обратил глаза внутрь: неужели и он постарел, неужели так же препогано выглядит? Ни разу не задумывался, что годы-то летят, как психованные, изменяя людей до неузнаваемости. Вот уже и ему сорок семь. Спрашивается: какого черта он затрепетал перед старой каргой? Бравируя, Бельмас закинул ногу на ногу и спросил с ухмылочкой:

– Чем обязан?

– Не буду говорить, – высокомерно начала она, – что видеть мне твою рожу – хуже горькой редьки. Это ты сам знаешь. Но обстоятельства сложились не в мою пользу.

– Что же за обстоятельства привели вас к моей роже? – хихикнул Бельмас.

– Внучка.

– Ваша внучка?

– И твоя дочь, – произнесла Клавдия Никитична сухо. Просто проскрипела, как старая, высохшая коряга.

На Бельмаса будто ушат холодной воды вылили. Кажется, он ослышался.

– Повторите, что вы сказали?

Ей явно не в кайф было говорить, но она процедила на одной ноте, сверля Бельмаса ненавидящими глазами:

– У тебя есть дочь. Зовут ее Сандра. Отчество Георгиевна. Ей двадцать один год.

Надо ли говорить, что у Бельмаса после каждого слова старухи подпрыгивало сердце, как лягушка на сковородке? Надо же, а до этого он и не знал, где оно у него находится. Дочь? У него?! Невероятно! От таких новостей людей инфаркты хватают, но Бельмас крепко телом и духом, и он вымолвил, хотя и с трудом, однако нежно:

— Сандра... дочь... моя... И вы столько лет молчали?!

— Я бы и сейчас не приехала, когда б не нужда.

— Вам деньги нужны? — прищурился он, восприняв фразу по-своему: старушка надумала вымогательством заняться.

— Дурррак, — смачно каркнула она, а на ее лице появилось гадливое выражение. Да, Клавдия Никитична дружит со спесью. Она спит с ней, ест с ней, дела делает с ней. А оскорбить ей Бельмаса — бальзам на душу. — У меня другая нужда, тебе необязательно знать о ней. А что я должна была говорить Сандре? Ты считаешь, тобой гордиться можно? Хм, отец моей внучки — потомственный вор, выродок рода людского, который провел по тюрьмам большую часть своей гнусной жизни... Короче, так: я даю тебе шанс, потому что... неважно. Ты обязан присмотреть за Сандрой.

— А Нина? Где она? — спросил он, замерев.

— На кладбище, — резко бросила старуха, а у него сердце на этот раз ухнуло вниз. — Нина умерла десять лет назад от рака. Я воспитывала Сандру, теперь она — твоя забота, если в тебе осталась хоть капля человеческого. Сидеть, как я выяснила, тебе еще год, так ты подготовься и выполни свой долг. Вот адрес.

— Но почему я должен верить, что Сандра моя дочь? — опомнился он.

— Потому что это говорю тебе я, — проскрипела Клавдия Никитична. — А мне говорить тебе о Сандре — нож в сердце. Я стара, могу умереть, поэтому хочу передать внучку тебе. Больше-то некому, а ты все

ж таки хоть и плохонький, но отец. Боюсь я за нее, очень боюсь. Девочка нуждается в опеке.

– Но... – не приходил в себя Бельмас. – Мне трудно поверить...

– Ты согласишься, – убежденно сказала Клавдия Никитична, поднимаясь, – когда узнаешь ее поближе. Но гляди! Затанешь Сандру в свое ремесло, из гроба поднимусь и вырву твое черное сердце. Прощай.

Не верить старухе не было оснований, она бы не притащилась черт-те куда, чтоб только подшутить над ним. И ночью Бельмас не спал – не представлял себе, какая она, Сандра. И видел маленькую девочку в светлом цветастом платье, с хвостиками и бантиками, в гольфах и со школьным ранцем за плечами. Дочка. Родная кровь. А он даже не догадывался. Это поистине царский подарок судьбы, а говорят, она, в смысле судьба, коварна. Бельмас вздыхал, когда вспоминал Нину, образ которой хранил все годы. Сверху свесился шар на пеньке, вросшем в плечи, – Держава сонно спросил:

– Бельмо, че ты стонешь?

– Я думаю, – сказал мечтательно Бельмас.

– А про что думки?

– У меня дочь появилась. О ней думаю.

Держава скатился на нижние нары, недоверчиво уставился на Бельмаса, поглаживая лапищей грудь. Разница между Державой и комбайном одна: первый умеет говорить. Могущественную кличку получил он потому, что проявлял жгучий интерес к политике. Читал исключительно газеты, а уж когда наступало время новостей по телику, Держава переключал канал, и попробуй возрази, мол, дай кино досмотреть. Правда, возражать никому не приходило в голову, ибо встречаться с его кулаком ни у кого не было охоты. Все и смотрели новости, а он комментировал: «До чего довели державу!» Или: «Пропала держава». Так и стал Державой.

Он опустил уголки губ вниз, что являлось знаком удивления:

– Дочь? У тебя?! Откуда взял?

– Откуда дети берутся? – усмехнулся Бельмас. – Оттуда и взялась. Сегодня узнал. Освобожусь – завяжу. Баста. У меня теперь смысл жизни есть. Воспитанием заняться придется. Куплю самую большую и красивую куклу, конфет...

– А сколько ей лет?

– Двадцать один.

– Хе! Куклу он купит! Ты того, да? – Держава покрутил пальцем у виска. – На фиг ей твои куклы? Выросла она.

– Все равно куплю. Все, что пожелает, куплю. У меня же бабок немерено.

И мечтал Бельмас о встрече с дочерью, рисовал самые душещипательные картины, от которых из глаза катилась скупая мужская слеза, но крупная. Он считал дни до свободы, жил в предвкушении настоящего человеческого счастья. Ведь он – отец, его душу согревало это слово.

Первым, говоря на языке уголовников, солнце за светило Державе и Горбуше, а были они оба верной свитой Бельмаса. Обоих он откомандировал в город, где жила Сандра с несостоявшейся тещей, чтоб до его освобождения присмотрели за девочкой.

– Бабки возьмете у Японца, – отдавал он последние распоряжения. – Должок у него есть передо мной, и большой. Вот тут я адресок нарисовал... От меня привет передадите и записку. Квартиру снимите. Бабки заберите все до цента.

– Сколько? – поинтересовался Держава.

– Триста пятьдесят косарей в американской валюте.

Держава протяжно присвистнул. Но он надежный, проверенный, не соблазнится. Как и Горбуша. Идти им некуда, к тому же привязались к Бельмасу, потому что он справедлив, а за подлость – оба знали прекрас-

но — наказывает безжалостно. Хотя не в страхе дело, просто еще существуют люди, с которыми и в разведку пойдешь, и одеялом, даже если оно одно, поделишься. Но не эти причины побудили Бельмаса довериться Державе с Горбушей. Внутри у него нехорошо свербело. К деньгам он относился философски: как пришли, так и ушли, только так было раньше, теперь ситуация изменилась — деньги нужны позарез. Как только Бельмас узнал, что у него есть дочка, написал Японцу одно письмо, второе, а друг ни строчки в ответ. Уж не помер ли?

Четыре месяца спустя Бельмас расправил крылья и полетел к дочурке. Его ждали нехорошие новости: Японец бабки не отдал, сказал, что только лично в руки Бельму вручит. Что ж, разумно не отдавать бабки неизвестно кому. Однако под ложечкой протяжно ныло: не хочет Японец возвращать долг. Если так, то придется забирать, что сопряжено с некоторыми осложнениями. Но Бельмас по натуре оптимист, рассчитывал на благоразумие Японца.

— Вы-то как жили, на что? — спросил он у Державы.

— Горбуша подрабатывал то грузчиком, то на стройке. Я ж за твоей дочкой глядел.

— Ну, ладно, плохие времена прошли, — сказал Бельмас, похлопав обоих по плечищам. — Начинаем новую жизнь, это я вам говорю.

Кое-что он припрятал в давние времена на черный день и сразу откопал клад, зарытый им же. Продал пару вещиц, купил машину и костюм, ведь к дочери следовало явиться при полном параде. Права купил себе, а также Державе и Горбуше, без прав ведь машина — железо.

— Ну а как моя девочка? — спросил он, ожидая услышать восторги. Мол, и красавица, и умница, и труженица — в общем, нормальная девочка.

— Кипяток в морозильной камере твоя Сандра, — огорошил Держава. Огорошил не столько словами,

сколько тоном. Очень уж чересчур негативно прозвучали его слова.

— Что ты имеешь в виду? — захотелось разъяснений Бельмасу.

— Сам увидишь.

Ничего такого он не увидел. Собственно, толком даже не рассмотрел Сандру, ведь диалог с ней не длился и минуты. Девочка не признала в нем папу, потому что карга ей не рассказала про родного отца. Не сволочь, а? Не поленилась приехать в колонию, сообщила о дочери, требовала присмотреть за ней, а сама не сказала Сандре о нем. Нет, сказала! Будто папа Сандры мерзавец, негодяй, подлец и свинья. Зачем она так сделала? Потому что вредительница, каких в советское время расстреливали. Навредила ему перед смертью, заодно и Сандре. Да если б он знал, что у него есть дочка, жизнь сложилась бы по-другому, да он бы для нее... Эх!

— А как же кровь? — произнес он вслух потерянно. — Кровь должна заговорить, подсказать... Это не моя дочь. Моя дочь узнала бы меня без старой карги.

Может, Клавдия Никитична перед смертью нарочно его подразнила? Отомстила за Нину? Но от мысли, что он отец, Бельмас отказаться уже не мог. И надумал проверить еще раз голос крови. Бельмас уселся на скамейку на детской площадке, рядом поставил коробку с куклой (купил самую дорогую и самую большую), на нее водрузил коробку конфет. И затянулся сигаретой. Он ждал, когда Сандра выйдет. Курил, волновался, думал, как ей доступно объяснить, что он не разыгрывает ее. И надеялся почувствовать энергетический поток, который потечет от него к Сандре и от нее к нему.

Во дворе появился Горбуша, поискал глазами Бельмаса, замахал руками, стараясь обратить на себя внимание. Но Бельмо сидел, сцепив на колене пальцы рук, в глубочайшей задумчивости, ничего не замечая вокруг. Горбуша размерчиком как и Держава, но по-

симпатичней и помоложе, а также добродушной. В колонию залетел по иронии судьбы (такие преступления не совершают, но об этом он не говорил, вывод Бельмас сделал сам). Горбуша потому и получил рыбе прозвище, что молчун — никто не слышал, чтоб он хотя бы слово сказал, значит, немой. Он подошел к скамейке, Бельмо поднял на него тоскливые глаза и махнул рукой — уйди. Горбуша понимающе покивал, засим поплелся со двора.

Прошел еще час ожидания и сомнений. Дверь подъезда распахнулась, появилась Сандра. Замешкалась, копаясь в сумочке. Только сейчас Бельмас рассмотрел сие произведение, к которому, по словам подлой Клавдии Никитичны, он причастен. Статная. Это не в него. Наверное, статью Сандра в бабку пошла. Клавдия Никитична никогда не сгибалась, на плечах у нее так и покоилось достоинство, которое она боялась нечаянно уронить. Формы у девочки мамины — один к одному. На стройные ножки Нины заглядывались все парни в округе, а на ножках раскачивалась лучшая в мире попка. Ну и пусть у нее была не самая тонкая талия. Никогда не любил Бельмас считать женские ребра, а вот подержаться за выпуклую грудь, чтоб в зобу дыханье сперло, — это любил. Ему неважно было, какая там голова приклеена к шее. До Нины неважно было. Но потому она и запала ему в душу, что красивее девушки он не знал. Сандра в нее. Формы мамы завершали длинная шея (кстати, у него тоже шея длинная) и прекрасная головка, с которой струились до пояса светлые волосы. Правда, Нина была круглолицей, а у Сандры лицо удлинненное, с резко обозначенными скулами. Как у него.

Бельмас очутился у нее на пути. Сандра, на каблучках сильно превышавшая его в росте и оттого глядевшая на папу свысока, нахмурила изогнутые брови и неласково сказала:

— Опять ты?

Не заговорил голос крови. Значит, дочь не его. Но он предпринял еще одну попытку разбудить дочерние чувства:

– Сандра, твоя бабушка, Клавдия Никитична, год назад нашла меня и сказала, что ты моя дочь.

– А до этого где ты был?

– В... командировке. Длительной. Далеко.

– Значит, настаиваешь, что ты мой отец?

– Так сказала твоя бабушка...

В первый момент Бельмас не понял, что в него врезалось. Во второй момент он понял, что уже не стоит на земле, а летит куда-то назад, словно дьявольская сила мощным порывом ветра уносила его от Сандры. В третий момент он задом встретился с землей и врезался спиной в скамейку, на которой ждал дочурку. В четвертый момент перестал ощущать челюсть и нос, словно то и другое отсоединились от лица. Бельмас недоуменно потрогал челюсть, мигая веками. А дочурка поставила на каменный бордюрчик ногу, выставила указательный палец и отчеканила:

– Это тебе за маму. А будешь и дальше настаивать, что ты мой папа, получишь и за мое обделенное, без отца, детство. Понял, дядя папа?

Сказав, она зашагала со двора, игриво покручивая маминой попкой и размахивая сумочкой на длинном ремешке. Держава и Горбуша помчались к Бельмасу. Сандра на них – никакого внимания, будто в мире существует она одна. Парни поставили на ноги обалдевшего Бельмаса, Держава констатировал:

– Состоялась встреча папы с дочкой. Зубы хоть не выбила?

– Зубы? – переспросил Бельмас, трогая челюсть. – Нет.

По дороге к машине он достал платок и утер кровь на губе, затем счастливо улыбнулся:

– Моя дочь. Моя!

2

В срочной химчистке почистили костюм, затем Бельмас велел Державе ехать к Японцу. Но, остановившись у офисного здания, присвистнул:

– Фью! Японец и правда в этом стеклянном скворечнике свил гнездо?

– Занял шестой этаж, – ответил Держава, поглаживая руль. – Здесь у него офис. А живет в собственной хате на Барабанке.

– Это же деревня.

– Была когда-то. Теперь в черте города, там живут лучшие люди.

– Вези на Барабанку, – сказал Бельмас. – Хочу посмотреть хату.

Когда-то здесь была типичная южнорусская деревня – чистая, ухоженная и не пьяная, а работающая. Еще лет пятнадцать назад весной можно было увидеть тут прелестную картину: хатка-мазанка, явно одинокая бабушка лет восьмидесяти белит внешние стены, а перед хаткой палисадник, на солнце греется кошка, мирно сосуществуя с дворняжкой. Зайдешь в такую хатку, и в глаза бросается не бедность, она была привычной, а идеальнейшая чистота, дорожки, вязанные вручную из лоскутков, занавески с вышивкой ришелье, на бабушке беленький фартук, иногда в латках, и белейший же платочек. Угощала такая старушка кислым молоком и воздушным белым хлебом, который уже редко, но пекли сами. И становилось тепло от кружки молока, мудрых глаз и постукивания ходиков, олицетворявших нечто настоящее.

Теперь это ушло. Нынче на Барабанке в глаза бросались двух-, трехметровые заборы, а за ними высились крыши частных владений, куда не зайдешь без особого разрешения. Держава остановил машину, указав на ограду из щитов:

– Вон за тем штакетником.